

Ajupov, Salavat Midchatovič; Čiftsuren, Šejma

Рассказы Бунина "Древний человек" и "Антоновские яблоки" в контексте "Старых портретов" Тургенева

Opera Slavica. 2019, vol. 29, iss. 3, pp. 13-20

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2019-3-2>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/141974>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Рассказы Бунина «Древний человек» и «Антоновские яблоки» в контексте «Старых портретов» Тургенева

Stories of Bunin “The Ancient Man” and “Antonov Apples” in the Context of Turgenev’s “Old Portraits”

Салават Мидхатович Аюпов — Шейма Чифтсурен

(Эрзурум, Турция)

Абстракт:

Статья посвящена раскрытию историко-литературных связей «Старых портретов» Тургенева с названными рассказами Бунина. Доказывается, что тургеневское произведение перекликается с «Антоновскими яблоками» мотивом любования культурно-историческим прошлым России и мотивом патриархальной гармонии, а с «Древним человеком» соотносится мотивом настойчивых расспросов о старине с целью воссоздания исторически значимых реалий. Вектор историзма в этом творении направлен и вглубь после петровской России, и вдаль европейского минувшего. Такой историзм созвучен Бунину, в творчестве которого тема памяти (и прапамяти) имеет концептуальное, мировоззренческое значение. Если в последнем рассказе Бунин переиначивает тургеневскую традицию, наполняя ее противоположным смыслом, то в двух других он варьирует тургеневские идеи-образы, придавая им ностальгическое звучание. Тургеневская традиция является основополагающей для данных рассказов Бунина.

Ключевые слова:

Тургенев; Бунин; «Старые портреты»; «Антоновские яблоки»; «Древний человек»; преемственность

Abstract:

The article is dedicated to disclosure of historical and literary connections of “Old Portraits” by Turgenev with the mentioned Bunin’s stories. It is proved that Turgenev’s work has similarities with “Antonov Apples” based on the motive of admiring Russia’s cultural and historical past and the motive of patriarchal harmony. And with the “Ancient Man” has interrelation of the motive of persistent questioning about foretime with the aim of recreating historically significant realities. The vector of historicism in this composition is also directed deep into the after Peter the Great’s time and far into the European past. Such historicism is accordant with Bunin in whose work the theme of remembrance has a conceptual, ideological significance. If in the last story Bunin alters Turgenev tradition by filling it with the opposite meaning, then in the other two he varies Turgenev’s ideas and images giving them a nostalgic sound. Turgenev tradition is fundamental to the mentioned Bunin’s stories.

Key words:

Turgenev; Bunin; “Old Portraits”; “Antonov Apples”; “The Ancient Man”; succession

Вопрос о влиянии поздних повестей и рассказов Тургенева на произведения Бунина 1900-х–1910-х годов ставился еще А. Б. Муратовым¹.

В современной монографии Н. В. Пращерук «Проза И. А. Бунина в диалогах с русской классикой» (2016), в главе «Тургенев в художественном сознании Бунина», этот вопрос получил дальнейшее развитие в сопоставительных анализах творений писателей².

Продолжая научные изыскания в этом направлении, мы предлагаем дополнить их соотносением «Старых портретов» (1881) Тургенева с рассказом Бунина «Древний человек» (1911), а затем с его более ранним произведением «Антоновские яблоки» (1900).

Думается, что первые тексты перекликаются *мотивом настойчивых расспросов* старика его молодым визави о былых временах с целью воссоздать картину прошлого России в ее исторически значимых элементах.

В «Старых портретах» рассказчик расспрашивает помещика, родившегося при императрице Елизавете, Алексея Сергеича Телегина, про старые времена:

- 1 MURATOV, A. B.: *Pozdnije povesti i rasskazy I. S. Turgeneva v ruskom literaturnom processe vtoroj poloviny XIX – načala XX vv.* In: MAKOGENKO, G. P. (red.): *Problemy poëtiki russkogo realizma XIX veka.* Leningrad 1984, s. 77–98.
- 2 PRAŠČERUK, N. V.: *Proza I. A. Bunina v dialogach s ruskoj klassikoj: monografija.* 2-je izd., dop. Jekaterinburg 2016, s. 9–26.

«Я не раз пытался расспрашивать Алексея Сергеича о тех давних временах, о людях, окружавших императрицу... Но он большей частью уклонялся. «Что о старине толковать-то? — говаривал он... — только себя мучить: что вот, мол, был ты тогда молодцом, а теперь и последних зубов у тебя во рту не стало. Да и то сказать: хороша старина... Ну и бог с ней!»³. И хотя старик «по большей части уклонялся» от рассказов о прошлом, тем не менее «старина» (прежде всего эпоха Екатерины Великой) представлена в рассказах Телегина и его жены — Маланы Павловны — сочно, щедро, стоит перед читателями живыми картинами.

Мотив настойчивых расспросов о старине престарелого существа, обозначенный в повествовании «Старых портретов», станет ключевым в бунинском рассказе «Древний человек», в котором молодой сельский учитель Иваницкий идет к «столетнему человеку» Таганку в надежде услышать драгоценные рассказы о великих событиях русской истории XIX века: «В старину лучше было? — спрашивает учитель. [...] — В два раза лучше было...»⁴. Глядя на Таганку, герой с тревогой размышляет: «Часто охватывает страх и боль, что вот-вот разобьет смерть этот драгоценный сосуд огромного прошлого. Хочется поглубже заглянуть в этот сосуд, узнать все его тайны, сокровища»⁵. Но Иваницкий с горечью констатирует: «Но он пуст, пуст! Мысли, воспоминания Таганка так поразительно просты, так несложны, что порою теряешься: человек ли перед тобою? [...] Но — человек ли он?»⁶. Герой многократно посещал Таганку в надежде услышать от него хоть что-то о замечательном «... веке переворотов, открытий, войн, революций», когда «сколько жило, славилось и умерло великих людей!»⁷, но каждый раз слышал от старика «опять, опять [...] только давным-давно знакомое. Был дед два раза у хохлов, за Воронежем; был два раза в Москве, раз пять в Калуге; и много, много раз в Белеве...»⁸. Повествователь отмечает: «Учитель нервно курит, хмурится: нет, ничего путного не выходит из его расспросов!»⁹. В ста восьмилетнем Таганке, в современнике одного «из самых замечательных веков», не обнаруживается никакой связи с русской историей 19 века. Попытка Иваницкого напомнить о нашествии Наполеона 1812 года, совпавшего с молодыми годами Таганка, оказывается провальной:

3 TURGENEV, I. S.: *Polnoje sobranije sočinienij i pisem v 30 t. Sočinienija*. T. 10. Moskva 1982, s. 13.

4 BUNIN, I. A.: *Polnoje sobranije sočinienij v 13 t.* T. 3. Moskva 2006, s. 72.

5 Там же, с. 72.

6 Там же.

7 Там же, с. 71.

8 Там же, с. 72.

9 Там же, с. 73.

«А француза помнишь?.. — Это какой в Москву приходил? Нет, не помню...»¹⁰. Мышление этого крестьянина лишено даже намека на историзм, к тому же оно не способно к обобщению. В рассказе читаем: «Что же? — спрашивает учитель, домогаясь обобщений. — Нравилась тебе хохлы? — Хохлы-то? — отвечает Таганок. — Ничего...»¹¹. Именно на внутреннем мире Таганка автор акцентирует свое внимание: «И все же весь он в забвении, в мире своих далеких воспоминаний. Что же это за воспоминания?»¹²; или: «... он силится войти в душу и тело этого необыкновенного человека...»¹³. Герой подводит итог: получается, что «... целых сто лет видел он только вот эти конопляники да думал о корме для скотины!»¹⁴.

Рассказ «Древний человек», как и другие рассказы о народе того времени, написанные после «Деревни» (1910), отразил безрадостный взгляд писателя на духовные возможности крестьянства, неверие в созидательный потенциал низовых масс, в их позитивную роль для будущего России. Таганок, типический представитель деревенской жизни, человек без истории, а потому, по логике рассказа, не может быть способен к созданию новых прогрессивных форм государственного бытия:

Бунин, используя вышеуказанный тургеневский мотив, наполняет его противоположным, отрицательным смыслом. Такое обращение к классическому наследию характерно для творческого сознания прозаика-поэта: традиционное, узнаваемое наполняется совершенно иным содержанием, часто полемическим по отношению к «старому материалу».

Вместо роскошных картин екатерининской эпохи в «Старых портретах», названных в отзыве П. В. Анненкова «крупным бриллиантом»¹⁵, в «Древнем человеке» — убогие клочки мелких, пустяковых подробностей.

Вместе с тем «Старые портреты» обнаруживают преемственные связи и с другими произведениями Бунина, среди них — со знаменитыми «Антоновскими яблоками» (1900). На наш взгляд, эти произведения объединяет мотив социальной гармонии: в обоих нет противоречий между барином-помещиком, с одной стороны, и дворовыми и крестьянами, с другой¹⁶. Мотив такой

10 Там же, с. 72.

11 Там же.

12 Там же.

13 Там же, с. 73.

14 Там же, с. 71.

15 TURGENEV, I. S.: *Polnoje sobranije sočinienij i pisem v 30 t. Sočinienija*. Т. 10. Moskva 1982, s. 396.

16 История с Иваном Сухих представлена в рассказе как исключение, как нечто из ряда вон выходящее. Не случайно она помещена в самый конец рассказа, чтобы не нарушать мирное в классовом плане сосуществование четы Телегиных со своими дворовыми.

гармонии пронизывает все четыре части «Антоновских яблок», завершающихся описанием мелкопоместной жизни. У Тургенева герой-рассказчик в конце своего повествования подчеркивает «гармонически патриархальное настроение, которое телегинский дом навевал» на него¹⁷. Слово «навевал», типичное для русской лирики, утверждает единый строй этой усадебной жизни, не менявшейся десятилетиями. Но ведь ту же абсолютную гармонию (и не только социальную) «навевает» и бунинский этюд. В этом плане характерно такое замечание «барчука»: «И помню, мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком»¹⁸.

О социальной гармонии, царившей в телегинской усадьбе, а также в отношениях барина с мужиками, свидетельствуют признания рассказчика. Например, «Крестьяне любили его; барин был, по их словам, добрый, сердца не срывчивого»¹⁹. О дворовых сообщено в том же духе братства: «С дворовыми, вообще с крепостными людьми, с «подданными» (Алексей Сергеич любил это слово) он обходился кротко»²⁰. О свободном житии-бытии дворни в барском доме сказано так: «Да: хорошо жилось дворовым у старика; [...] И сколько их водилось, этих самых дворовых, в его доме! и всё больше старые, жилистые, волосатые, ворчливые, в плечах согбенные, в нанковые длиннополые кафтаны облеченные — с крепким, кислым запахом!»²¹. Перевес старых дворовых над прочими в доме Телегина подчеркивает уважительное отношение хозяина к пожилым людям, к возрасту, к старшим. Мотив любовного созерцания старости ощутим в «Старых портретах» в такой фразе: «И вот — как живые стоят передо мною *мои старики*, и хорошее храню я о них воспоминание»²² (курсив наш). «Мои старики» — так ласково называет их герой-рассказчик. Известно, что в творчестве Бунина тема поживших на своем веку людей станет одной из заметных в рассказах 1890-х–1910-х годов. В «Антоновских яблоках», во второй их части, с симпатией описываются старики и старухи деревни Выселки, а дряхлый повар усадьбы тетки Анны Герасимовны сравнивается с Дон-Кихотом²³.

17 Там же, с. 23.

18 BUNIN, I. A.: *Polnoje sobranije sočinenij v 13 t.* Т. 1. Moskva 2006, s. 411.

19 Там же, с. 15.

20 Там же, с. 16.

21 Там же.

22 Там же, с. 23.

23 Думается, здесь Бунин вновь обращается к тургеневской традиции — к приему возвышения человека из народа, крестьянина, через сопоставления его с выдающимися литературными явлениями и личностями («Хорь и Калиныч»).

Еще одним мотивом «Старых портретов», вошедшим в повествование «Антоновских яблок», является мотив приверженности, особой симпатии героя (героев) к былым временам, к давнопрошедшим историческим реалиям. В «Старых портретах» — это екатерининское время, старина XVIII века; в бунинском этюде — это и XVIII век, и пушкинская эпоха («А вот журналы с именами Жуковского, Батюшкова, лицеиста Пушкина»). У Тургенева читаем: «Алексей Сергеич предпочитал старое время»²⁴. «Об императрице Екатерине говорил не иначе как с восторгом и возвышенным, несколько книжным слогом...»²⁵; «книги же читал одни русские, конца прошлого века»²⁶. Рассказчик о нем замечает: «Чудаковат был точно Алексей Сергеич, но душа в нем была не из мелких»²⁷. То же пристрастие к екатерининской старине питала и его супруга.

Более глубокое чувство, чувство неизбежной ностальгии к культурно-историческому прошлому России испытывает герой-рассказчик в «Антоновских яблоках». Знакомство с дедовской библиотекой, воспоминание о полонезах бабушки на клавикордах, о «ее томном чтении стихов из «Евгения Онегина», уносит его воображение в то былое время: «И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою...»²⁸. И этим настроением, этой душевной причастностью к «протекшим временам» он заражает и читателя.

Очевидную переключку со «Старыми портретами» обнаруживает такая цитата из «Антоновских яблок»: «Хорошие девушки и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах! Их портреты глядят на меня со стены, аристократически-красивые головки в старинных прическах кротко и женственно опускают свои длинные ресницы на печальные и нежные глаза...»²⁹. Этот отрывок соотносится с названием тургеневского рассказа, словно разворачивает его в бунинском повествовании.

Мышление Телегина пронизано историзмом. Не случайно рождение матери он соотносит не с конкретным годом, а со временем правления Петра Первого, которое, как известно, стало переломным в существовании российского государства («А матушка моя кто такая была? При Петре Первом рождение свое имела — ты только это сообрази!»³⁰). А сам герой родился в последний год царствования Елизаветы Петровны (что, конечно, с удовольствием сообщил рассказчику).

24 TURGENEV, I. S.: *Polnoje sobranije sočinienij i pisem v 30 t. Sočinienija*. T. 10. Moskva 1982, s. 12

25 Там же.

26 Там же, с. 14.

27 Там же, с. 11.

28 BUNIN, I. A.: *Polnoje sobranije sočinienij v 13 t. T. 1*. Moskva 2006, s. 417.

29 Там же. Выделено нами.

30 TURGENEV, I. S.: *Polnoje sobranije sočinienij i pisem v 30 t. Sočinienija*. T. 10. Moskva 1982, s. 17.

Категория исторического времени является ключевой для сознания Телегина: он мыслит свою жизнь в контексте русской истории XVIII – начала XIX веков, но ему по своему интересны эпохи античности и средних веков. Недаром главной особенностью телегинского дома было «великое количество картин [...] большей частью работы так называемых итальянских мастеров: всё какие-то старинные пейзажи да мифологические и религиозные сюжеты»³¹. Итак, вектор историзма в доме Телегиных направлен не только вглубь после петровской России, но и вдаль европейского минувшего. Все это не могло не импонировать Бунину, для которого тема памяти (и прапамяти) имеет концептуальное, мировоззренческое значение в его творчестве.

В отличие от стариков Телегиных любовь героя-рассказчика «Антоновских яблоках» к старине названа «сладкой и странной тоской», это сложное переживание, соединение отрадных и горестных ощущений в одном нерасторжимом целом. Бунин продолжает тему любования историческим временем, поднятую в «Старых портретах», но вносит в нее щемящий лиризм, потому что это время, а с ним вся после петровская культура, и прежде всего классическая литература XIX века, безвозвратно уходила в прошлое на глазах молодого писателя, гордившегося своим дворянским происхождением.

Возможно, сама фамилия героя – Телегин – соотносится со стихотворением А. С. Пушкина «Телега жизни» (1823), так как в рассказе изображены – молодые, зрелые и старческие годы героя, а затем и его «ночлег» – тихая и умиротворенная кончина.

Смеем также предположить, что родословное дерево Телегиных «со множеством кружков в виде яблок» стало одним из источников названия бунинского этюда – «Антоновские яблоки».

Подводя итоги сопоставительного анализа, можно утверждать, что «Старые портреты» оказались близки Бунину, во-первых, мотивом обращенности героя к культурно-историческому прошлому России, и такая обращенность является фокусом внутренней жизни персонажа у обоих писателей. Мотив этот получит иную, лирическую, обработку в «Антоновских яблоках», которые превратятся уже в «песнь» об исчезнувшей усадебной культуре³². Во-вторых, мотивом социальной гармонии, сплотившей разные слои населения России в одно целое в хронотопе дворянской усадьбы. И наконец, мотивом настойчивых расспросов о старине, обнажающим историко-литературную преемственность между героями-рассказчиками Бунина и Тургенева.

31 Там же, с. 8.

32 Здесь мы отталкиваемся от отзыва М. Горького о произведении: «Тут Иван Бунин, как молодой бог, спел. Красиво, сочно, душевно». См.: NIN, I. A.: *Polnoje sobranije sočinenij v 13 t.* T. 1. Moskva 2006, s. 546 (примечания).

Литература:

BUNIN, I. A.: *Polnoje sobranije sočinenij v 13 t.* T. 1. Moskva 2006.

BUNIN, I. A.: *Polnoje sobranije sočinenij v 13 t.* T. 3. Moskva 2006.

MURATOV, A. B.: *Pozdnije povesti i rassказы I. S. Turgeneva v ruskom literaturnom processe vtoroj poloviny XIX – načala XX vv.* In: MAKOGENKO, G. P. (red.): *Problemy poèтики russkogo realizma XIX veka.* Leningrad 1984.

PRAŠČERUK, N. V.: *Proza I. A. Bunina v dialogach s ruskoj klassikoj: monografija.* 2-je izd., dop. Jekaterinburg 2016.

TURGENEV, I. S.: *Polnoje sobranije sočinenij i pisem v 30 t. Sočinenija.* T. 10. Moskva 1982.

About the authors

Aiupov Salavat

Atatürk University, Faculty of Letters, Department of Russian Language, Erzurum, Turkey
ayupovsm@mail.ru

Seyma Ciftsuren

Atatürk University, Faculty of Letters, Department of Russian Language, Erzurum, Turkey
sheymachiftsuren@hotmail.com

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.